

В «ПРОСТОР» – СО СТУДЕНЧЕСКОЙ СКАМЬИ...

Ушёл из жизни казахстанско-русский журналист, писатель, драматург Александр Самойленко.

В его судьбе случились шесть полнокровных творческих лет, отданных журналу «Простор». Впрочем, случай здесь ни при чём. Впервые порог редакции знаменитого на весь Советский Союз журнала Александр переступил лет в двадцать, будучи студентом журфака КазГУ. Принёс свои заметки, опубликованные в областной газете. Маститые литературные перья углядели в них не только азарт молодёжной репортёрской хватки, но и нечто большее. Потому и не отправили восвояси с Богом, посоветовав читать классику.

Всю жизнь он испытывал сердечную благодарность к Галине Черноголовиной, Алексею Бельянинову, Николаю Ровенскому, Павлу Косенко, Морису Симашко, да, пожалуй, не оказалось просторовцев, оставивших без доброжелательного внимания не по годам серьёзного и вдумчивого студиязуса. Правда, штаны на факультетской лавке он предпочитал не просиживать. Уломав декана разрешить свободное посещение лекций, являлся в основном на зачёты да экзамены. Университет окончил успешно и в положенный срок. Но ещё за год до означенного события положил на стол по сию пору легендарному журфаковскому декану Тауману Амандосову «Простор» со своей публикацией «Январские оттепели» в разделе документальной прозы.

Надо ли уточнять, как все мы, однокашники, люто завидовали такому прорыву на интеллектуальный Эверест, хотя и понимали, что всё у Саши почестному. Так встретили и весть о его распределении на работу, что тогда было принято в системе высшего образования, в редакцию «Простора». По личной просьбе знаменитого редактора Ивана Шухова. Иван Петрович до конца своих дней оставался Александру не только наставником, но и незаменимым истинным другом.

В своих незавершённых мемуарах Самойленко вспоминает: «До сих пор не пойму, что такого разглядел во мне большой русский писатель Иван Петрович Шухов, на ту пору 23-летнем соплике, но редактор знаменитого литературного журнала “Простор” взял меня в отдел документальной прозы. Знаменитым журнал был потому, что отважно публиковал Платонова, Солженицына, Казакова... Позже Иван Петрович опубликовал “День Шакала” Фридерика Форсайта, о котором Суслов вскричал, что это – руководство по политическому убийству, и журнал разогнали.

Оказавшись в “антисоветском” “Просторе”, я проворно написал и издал две книжки, напереводил с казахского и уйгурского и пошёл к Шухову просить рекомендацию в СП СССР. По пути в его кабинет я узнал, что друг Горького, член



горьковского оргкомитета по созданию Союза пролетарских писателей Иван Шухов рекомендацией в СП никому не давал, не даёт и мне не даст. Но тормозить было поздно, я уже открыл дверь его кабинета... Писатель Шухов рекомендацию мне дал. Она оказалась в его писательской жизни единственной и потому, как уникальный документ, была включена в "Полное собрание сочинений в пяти томах Ивана Шухова". Вот строки из её текста: "С большой душевной охотой рекомендую Сашу Самойленко – молодого, бесспорно, очень одарённого писателя... Мне приятно ставить свою подпись под такой рекомендацией человеку, в творческое будущее которого я глубоко верю..."»

Через три года после журнальной публикации «Оттепели» займут место на страницах первой книжки Александра «Сказка и быль о чернохвостом», изданной невообразимым по нашим временам сотысячным тиражом.

А мэтр оказался со всех сторон прав. Могу предположить, что немалую роль в доверии к самому молодому сотруднику сыграла порядочность, определяющая всё его существо. Один только эпизод, оставшийся в благодарной памяти карагандинского краеведа Юрия Попова. О том, как он принёс очерк в «Простор». Эссе повествовало об известном этнографе Григории Потанине, друге Чокана Валиханова, прибывшем в составе экспедиции в Северное Прибалхашье. И всё бы замечательно, но Самойленко зацепился глазом за упоминание в тексте Алимхана Ермекова. Знаток тех мест, он помнил, что Ермеков числился в Алашордынском правительстве. Хотя уже и реабилитация советской властью состоялась, и преподавал Ермеков математику в политехе, куда было бы спокойнее очерк, если не завернуть, то героя с «сомнительной» репутацией уж точно вымарать. Но Александр помчался к редактору убеждать в необходимости опубликовать материал без «купюр». Так оно и произошло. С последствиями в виде грома небесного над Шуховым и журналом – за прославление «заклятого врага народа». Однако доносчик, оперативно стукнувший в ЦК партии, оказался посрамлён, оргвыводы не последовали, а история закончилась гордой писательской победой.

Александр покинет журнал в 77-м, опубликовав множество очерков о людях трудных профессий, не вылезая из командировок по всему Казахстану. Этот его год, горестный из-за кончины Ивана Петровича Шухова, откроет новую страницу в биографии. Он займёт пост собственного корреспондента «Литературной газеты» по Казахстану, а с 2011-го в российской Калуге, в которой останется до последнего дня своей жизни, написав и издав несколько отличных книг, не говоря уже про забойные статьи в «Литературке». Предчувствие ухода будет у него пророческим, в письме к коллеге Александр назовёт это истончившейся струйкой в перевёрнутых песочных часах. И всё же бессмертны те, кого мы любим...

Светлана СИНИЦКАЯ